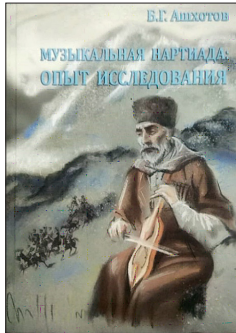

ISSN 1997-0854 (Print), 2587-6341 (Online)

О музыкальной Нартиаде – впервые («Музыкальная Нартиада: опыт исследования» Б. Г. Ашхотова)

Ашхотов Б. Г. Музыкальная Нартиада: опыт исследования. Нальчик: Принт Центр, 2020. 380 с.
ISBN 978-5-907150-67-6

Ashkhotov Beslan G. Musical Nartiad: An Attempt of Research. Nalchik: Print Center, 2020. 380 p.
ISBN 978-5-907150-67-6

Героический эпос «Нарты» – грандиозный фольклорный жанр, представленный в этнических версиях народов Северного Кавказа, является одним из древнейших в мире (III–II тысячелетие до н. э.). Существующий в стихотворном, стихотворно-прозаическом и прозаическом вариантах, он признан величайшим памятником мировой культуры. Не случайно, что 2000 год был объявлен ЮНЕСКО годом «Героического эпоса “Нарты”».

Более 200 лет эпос является объектом пристального изучения со стороны различных наук: истории, этнографии, культурологии, лингвистики и, конечно, филологии. В каждой сфере, исходя из собственного, свойственного данному научному профилю ракурса исследования, предлагаются выводы, выдвигаются гипотезы. Нередко возникают и споры, среди которых главными остаются две проблемы – о корнях и времени возникновения эпоса. Монография Б. Ашхотова – это первое объёмное комплексное обращение к *музыкальным текстам* героического эпоса «Нарты», что тем самым восстанавливает историческую справедливость по отношению к музыкальной Нартиаде.

Сам учёный, чей вклад в науку, посвящённую поиску и открытию неповторимых черт, свойственных культуре адыгского этноса, весьма внушителен, идею раскрытия

темы Нартиады в её музыкально-песенном варианте вынашивал давно. На пути к этой цели им опубликованы две монографии по музыкальному фольклору адыгов, это: «Традиционная адыгская песня – плач “гыбзэ”» (Нальчик, 2002) и «Адыгское народное многоголосие» (Нальчик, 2009), а также ряд статей, среди которых следует выделить в связи с темой монографии статью «Об онтологических основаниях адыгских нартских пшинатлей» (ПМН, 2010, № 1). В ней автор впервые в тезисной форме сформулировал некоторые выводы, а также выдвинул предположение, подтверждающее древность происхождения эпоса. Через идентификацию музыкальной стилистики нартских «пшинатлей» (эпических песен), свидетельствующей о раннем историческом рубеже их возникновения, сделан вывод о возможном бытовании адыгских нартских песен в рамках традиционного «черкесского песенно-танцевального ритуального круга».

Во всех этих трудах присутствует главная идея, раскрывающая целостность, системность и многоохватность авторской научной концепции – рассматривать фольклорный объект во взаимосвязи с общекавказским культурным миром. Выявляя типологию, или делая выводы об автохтонности адыгской песни, автор не теряет из виду контекст

песенного творчества соседних северокавказских народов. Эта же авторская позиция в исследовании кросскультурного взаимодействия в общекавказском культурном ареале подтвердила свою актуальность в работе над данной монографией. Она выразилась в постановке задачи реконструкции архаического жанра кавказской эпики на основе компаративного метода анализа имеющихся нотных образцов нартских песен во всех этнических культурах Кавказа: осетинском, адыгском, балкаро-карачаевском, абхазском, и как следствие – в создании *типологической модели нартской песни*. С учётом обнаруженной значительной нехватки научно обоснованных нотных расшифровок у других народов, Б. Г. Ашхотов в большей степени опирается на материал адыгских пшинатлей, как наиболее достоверный источник для научного обобщения.

Содержание монографии представляет собой последовательный ход научных размышлений в связи с полем проблематики, сопутствующей основной идее исследования. В названиях девяти глав, завершаемых Заключением с основными выводами, присутствует чётко выверенная логика динамичного и одновременно глубокого погружения в тему. Каждую главу можно рассматривать как отдельное эссе, раскрывающее какой-либо аспект, по мнению автора, разъясняющий его точку зрения на то или иное явление, находящееся в тесной связи с предметом исследования.

Чрезвычайно интересны его высказывания по поводу самого эпоса «Нарты» как явления культурного текста, а также его народных интерпретаторов певцов-сказителей *джегуако* (I, IX главы). Весьма важным для правильного понимания научного текста в связи с междисциплинарным подходом является III глава «О пользе идентичной терминологии». С точки зрения Б. Г. Ашхотова, она отражает поиск точных выражений для раскрытия специфичной области музыкаль-

ного фольклора, что способствует общедоступности в понимании авторской мысли и включает как культурологическую, этномузыковедческую, так и народную терминологию. Привлекает раскрытие идеи всеохватывающего явления *ритма* как способа внесения порядка в ощущение Времени и Бытия, проявляющееся на уровне древнейших форм этнического сознания (V глава – «Вначале был ритм»). Разнообразные примеры из области культурологии, философии, лингвистики в соединении с анализом архитектоники нартской песни придают этой главе характер семантического обобщения, отражающего «действенный тип этнофилософии», свойственный, по выражению Х. Г. Тхагапсоева, кавказским народам. Именно выводы, сделанные в данной главе, выходят напрямую к одной из центральных идей монографии – *о своеобразии эпического жанра*, представляемого «Нартиадой» (IV глава «К проблеме жанрового определения: этномузыкологический аспект»).

Вопрос жанрового определения фольклорного песенного источника является одним из центральных вопросов в этномузыкологии. Иногда признаки того или иного жанра бывают условны, нередко размыты или не соответствуют устоявшимся взглядам, принятым в фундаментальной науке. Объясняется эта, порой трудноразрешимая проблема, самой природой объекта как живого организма музыки устной традиции. В отношении термина «эпическое» имеется определённый *стереотип* в виде неторопливого поющего предания о подвигах богатырей, исполняемого в речитативной, декламационно-импровизационной манере певцом-сказителем. Б. Г. Ашхотов, подключившись к дискуссии об идентификации эпического жанра, обращает внимание на специфику выразительных средств текста и напева и вносит коррективы в существующий стереотип. Рассматривая особенности эпической песни народов Кавказа, учёный делает

принципиальный вывод о том, что именно *ритму* в широком смысле этого понятия принадлежит организующее начало в данном жанре. Основываясь на таких типовых признаках эпической песни, как чёткость в координации пластов солиста и хора в сольно-групповом пении, стройность кратких синтаксических единиц в форме напева, второстепенность мелодического начала по отношению к ритмическому наполнению слова, автор определяет *архаичность жанра*, делая попытку реконструкции самобытной модели нартской песни. В ней основное внимание обращено на энергетику ритмодвижения, сообщающую песне особый приподнятый эмоциональный тонус, близкий к пафосной ораторской декламации.

Задача воссоздания типологической модели на основе компаративного анализа её этнических и субэтнических версий выполнялась в соответствии с методологией, принятой в отечественной музыкальной фольклористике. Проанализировав более 160 примеров нотных записей с опорой на наиболее многочисленный достоверный источник в виде «адыгских пшинатлей», подвергшихся всестороннему рассмотрению в IV–VII главах монографии, Ашхотов выделяет комплекс средств выразительности, характеризующих музыкальную составляющую песни. Общеизвестно, что именно она в сравнении со словесным текстом отличается большей консервативностью и способна сообщить данные, недоступные нарративу. Используя это качество напевов, как источника информации, автор монографии решает важную задачу *«выявления соответствия музыкальной стороны эпоса с характеристикой её троичного синкретизма слова, музыки и танца, отражающийся в морфологических и синтаксических структурах текста и напева, фонетико-артикуляционном и семантическом значениях их отношений»*.

В отличие от филологов-эпосоведов, которые имеют к настоящему времени вну-

шительный научный багаж, нартская песня в отечественной музыкальной фольклористике не была предметом специального исследования. В её «научной копилке» сосредоточился материал, лишь намечавший путь к данному комплексному исследованию: от краткой информации по поводу общей характеристики эпического жанра (Т. К. Шейблер) до постановки ряда проблем и введения их в научный обиход в выступлениях фольклористов-музыковедов региона (К. Г. Цхурбаевой, А. И. Рахаева, Б. С. Шеуджен). Их отдельные наблюдения, касающиеся специфики музыкальных характеристик их родной эпической песни, помогли автору монографии в составлении концепции и формулировке основных подходов к её раскрытию.

К достоинствам монографии можно отнести устойчивость научного почерка автора, который сформировался в результате его активной исследовательской деятельности и выдаёт в нём глубокого учёного-исследователя. Решая собственные задачи как этномузыколог в отношении нартских напевов, он вовлекает в орбиту поиска достижения смежных наук: истории, этнографии, социологии, психологии, языкознания, филологии, культурологии, что создаёт широкое поле культурного и научного контекста, способствуя объёмности и полноценности исследования. Это обстоятельство, свидетельствующее о широте обозреваемой информации и глубине проникновения в сущность изучаемой области, делает монографию привлекательной и интересной для самого разного круга специалистов и более широкой аудитории.

Людмила Евгеньевна Кумехова (Налоева)

доцент, заведующая кафедрой

истории и теории музыки,

Северо-Кавказский государственный

институт искусств,

г. Нальчик, kumeh.luda@mail.ru